

Е. МАУРИН

ШАХ КОРОЛЕВЕ

ПАСТУШКА
КОРОЛЕВСКОГО ДВОРА

РИПОЛ
КЛАССИК

Москва • 2008

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)-44
М38

Рисунок на обложке: А. И. Кукушкин

Маурин, Е.
М38   Шах королеве. Пастушка королевского двора /
Е. Маурин. — М. : РИПОЛ классик, 2008. — 400 с.

ISBN 978-5-386-00673-0

Евгений Маурин — признанный мастер историко-авантюрной прозы, чьи романы отличаются виртуозно прописанным, динамичным захватывающим сюжетом и потрясающим умением передавать дух той или иной исторической эпохи.

«Шах королеве» и «Пастушка королевского двора» — наиболее известные романы писателя, действие в которых разворачивается во второй половине XVII века при дворе знаменитого «короля-Солнца» Людовика XIV. Изогранные придворные интриги и интимные похождения венценосных особ, роковые красавицы и любовные страсти, распутство и коварство, ревность и предательство — все это вы найдете на страницах потрясающе увлекательных сочинений Маурина, любимых не одним поколением истинных ценителей первоклассной исторической прозы.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)-44

*Издательство выражает благодарность
коллекционеру Сергееву Вячеславу Александровичу (г. Иваново)
за участие в подготовке издания*

ISBN 978-5-386-00673-0

© ООО Группа Компаний
«РИПОЛ классик», 2008

ПРЕДИСЛОВИЕ

По личному опыту знаю, насколько читатели не любят разных предисловий, примечаний, пояснений, словом — всего того, что делает чтение громоздким и отвлекает внимание от развития действия в повествовании. Однако, если автор исторического романа, рассчитывающий на самые широкие круги читателей, иной раз и рад бы обойтись без этих отступлений, то его постигает «охота смертная, да участь горькая»! Так, например, в данном случае название второго романа «Пастушка королевского двора», неразрывно связанного общностью времени, места и действия с предлагаемым, без необходимых объяснений осталось бы совершенно непонятным. Мало обещающее начало, если недоумение начнется уже с заглавия!

«Но ведь заглавие можно изменить!» — скажут мне. Да, можно, но от этого мало что изменится по существу. Ведь данное название романа указывает на взаимоотношение личности героини, Луизы де Лавальер, к переживаемой ею эпохе. Значит, все равно этого взаимоотношения надо коснуться, так как именно в нем — центр тяжести исторической идеи предлагаемых романов. Так или иначе, путем ли отступлений в тексте, массы подстрочных примечаний или отдельного вступления, но характеристики эпохи не избежать. Из нескольких зол выбирая меньшее, решаюсь просить читателя пробежать настоящее предисловие, как совершенно необходимое введение в круг идей и событий данной эпохи.

В середине семнадцатого века во Франции уже достигла пышного расцвета та общая приторная жеманность, которая нашла свое высшее выражение в следующем веке, веке Людовика Пятнадцатого, вызвав в скором времени, как естественную реакцию, общую революцию — революцию политического режима, нравов, костюма и искусства.

Эта жеманность царила во всем. В архитектуре она выражалась стилем барокко с его причудливостью и извращенностью форм, в живописи и литературе — ложноклассицизмом, в костюме (особенно мужском) — излишней пышностью и вульгарной манерностью, в области житейской и религиозной морали — полным разладом между словом и делом. И над всем этим объединяющей формулой повисла главная заповедь эпохи — условность!

Да, все было условно во Франции того времени! Добродетель, честь, право — все это были лишь понятия, зависевшие на практике от того, как их понимать и в каких случаях они прилагаются. Моральные принципы были похожи на те мушки, которые ради пикантности наклеивались дамами на лицо: они применялись со строгим расчетом и легко удалялись в случае необходимости.

Наиболее полно вся эта условность отразилась в том художественном течении, которое ныне окрещено названием «ложноклассицизм».

Эпоха Возрождения (XV—XVI века) вызвала прилив интереса к творениям античных, классических писателей. Но вскоре этот интерес вылился в рабское подражание классикам и в отождествление античной и современной эпох. Древности в художественных произведениях стали навязывать современные формы, современности — чуждые обстоятельствам и истинным, затаенным понятиям дух античной

древности. На картинах и в трагедии Юлий Цезарь или Александр Македонский щеголяли в костюмах мушкетера или придворного маркиза, а маркиз приказывал изображать себя на портрете в виде античного божества, окруженного амурами да зефирами. В поэзии среди самой реальной обстановки то и дело (и в значительной степени «ни к селу, ни к городу») фигурировали герои античной мифологии, и в одах того времени мы постоянно наталкиваемся на тритонов или даже самого Нептуна, всплывающих на Сене против Лувра, чтобы воздать хвалу добродетелям или подвигам Людовика. Как могли попасть в христианский Париж на холодную Сену божки древности, этим вопросом господа авторы не задавались. В древней оде мифологические существа фигурировали непременно, а все, что делали древние, то достойно строгого подражания. Верх комизма получил этот принцип слепого подражания в буколической или пасторальной (пастушеской) поэзии.

Когда-то греческие поэты (Теокрит) призывали горожан оглянуться на прелести сельской жизни и тихой радости пастушеского быта. Так родилась пастораль — особый поэтический жанр, сентиментальный, немного слащавый, не вполне точно отражавший жизненную правду положения вещей, но бесконечно грациозный, трогающий сердце и облагораживающий.

Однако, если пастораль древних «не вполне точно» отражала положение вещей, зато она и не становилась в полный разрез с этим положением, не искажала действительности до полной неузнаваемости. Жизнь греческих пастухов не текла в одних только эмпиреях, но тихих радостей в ней все-таки было немало. Не надо забывать, что греческий пастух был *полноправным гражданином*, что он почти не знал ни сословного, ни экономического рабства и

что привольная жизнь среди цветущей и богатой дарами природы безусловно имела свои преимущества перед жизнью в городских центрах, где порой становилось слишком душно от политических страстей и раздоров. Да и нравы сельских обитателей, разумеется, чище нравов горожан.

Но совсем другая картина получается, когда перед нами встает пастораль французская. Французский крестьянин того времени был полным рабом, грубым, невежественным, нищим, жестоким дикарем. Хорошо жилось только челяди («дворовым», по русской крепостной терминологии), но эта «хорошесть» выражалась лишь в материальных благах: идиллических черточек в этой жизни не сыскать. Сам по себе сельский быт тоже не мог никого привлекать, потому что нельзя же было считать идиллической жизнью проживание в роскошных замках среди чисто городской роскоши и обычных развлечений горожан. Впрочем, даже и этих «роскошных замков», как мест постоянной резиденции знати, в XVII веке становилось все меньше. Мелкое дворянство разорялось и по большей части вело суровую, грубую жизнь крестьянина-хлебороба. А крупное дворянство устремлялось к королевскому двору, где одно вовремя сказанное слово могло принести больше, чем способны были заработать сто крепостных-землепашцев в целый год. К каким же «прелестям» сельской, пастушеской, жизни могли призывать поэты в своих буколиках и пасторальных? Где были они, эти «прелести»?

Но я уже сказал, что поэты того времени такими вопросами не задавались. Действительность, правда не интересовали их, и, всей душой тяготая к придворной жизни, они пели о недостатках этой жизни, воспевая другую жизнь, которой они не знали, которой даже не существовало вообще.

Вполне понятно, что при таких обстоятельствах французская пастораль воспевала просто маскарад. Изящные маркизы, не теряя ничего в своей прелести и изяществе, беззаботно пасли стада среди вечно зеленых лугов и вечно юных лесов. Впрочем, и эти стада были совершенно особые, стилизованные, облагороженные. Само слово «буколический» происходило от греческого глагола, означающего «пасти быков». Но таких неблаговоспитанных животных, как быки, не было в поэтических стадах у французских буколических: изящные маркизы пасли разукрашенных ленточками и цветами овец да баранов с вызолоченными рогами!

Надеюсь, что читатели уже поняли теперь, что я хотел сказать, называя героиню предлагаемых романов, Луизу де Лавальер, «пастушкой королевского двора». По существу Лавальер была именно вот такой маскарадной «пастушкой», мыслимой лишь в манерных поэтических измышлениях.

Я отнюдь не хочу заклеить этим намять грациознейшей и бескорыстнейшей из всех фавориток французских королей обвинением в сознательном лицемерии и комедиантстве. Но ведь творцы пасторалей так же искренне воспевали прелести несуществующей сельской идиллии, как искренне проливали над чтением этих пасторалей сочувственные слезы нарядные маркизы, неспособные жить вне душной атмосферы двора. Так и Лавальер, духовно облакаясь в маскарадный костюм, искренне считала себя настоящей пастушкой. Если бы Луизу не влекло к заманчивой жизни королевского двора, она всегда нашла бы возможность уговорить свою мать, по второму мужу — маркизу Сэн-При, оставить ее в тихом и живописном замке Лавальер, где не было только роскоши, но было все, способное с лихвой удовлетворить насущнейшие потребности для идиллической

жизни. Однако уже с этого момента в жизни Луизы обнаруживается разлад между самой верой и открыто высказываемым символом ее. Говоря о своей приверженности к идиллической сельской жизни, девушка не без внутреннего удовольствия устремилась ко двору. Мечтая вслух о платонической любви, превозносилась чистоту и верность единому, она оставалась внутренне крайне чувственной, была очень влюбчивой, вздрагивала от малейшего прикосновения мужской руки. Короля Людовика Четырнадцатого она любила искренне, глубоко, но, как видно из всего, любила в нем гораздо более сан, чем мужчину, что не мешало ей, однако, высказывать вслух сетования, почему «ее Луи» — не простой пастушок, с которым она могла бы наслаждаться действительным тихим, идиллическим счастьем!

Не будь Луиза де Лавальер при этом совершенно искренней, не верь она сама, что высказываемые ею взгляды действительно проистекают из ее нравственной природы, не «заблуждайся она сама, до какой степени на самом деле тело довлеет в ней над духом», она была бы самой обыкновенной, самой дюжинной женщиной, слишком заурядной, чтобы стать центральной личностью целого романа. Но для нас она интересна именно как живое воплощение, так сказать, «ложноклассицизма в области морали». В ней духовно воплотилась одна из тех маркиз-пастушек, которые фигурировали исключительно в поэтических измышлениях творцов французской пасторали.

* * *

Теперь надо сказать еще несколько слов о другом герое предлагаемых романов — короле Людовике Четырнадцатом.

Людовику было пять лет, когда (1643 г.) умер его отец, Людовик Тринадцатый. Номинально королев-